

Н.Н. Мурзакевич и русско-болгарские культурные связи в 30–50-е годы XIX в.

Abstract:

Frolova M.M. *N.N. Murzakevich and Russian-Bulgarian Cultural Ties in 1830s-1850s.*

When the Russian-Bulgarian cultural ties were being established and developed, N. N. Murzakevich (1806–1833) was successful as a mediator between the Bulgarian community in Odessa and Moscow scholars who developed the Slavic studies. Thanks to Murzakevich, an extremely rich collection of Bulgarian books was assembled in Moscow. Many of his pupils studied in the Moscow University. Murzakevich's activities in research and instruction aimed at educating the Bulgarian people and strengthening the interest of Moscow scholars to the past and the present of Bulgarians.

Ключевые слова: Н.Н. Мурзакевич, О.М. Бодянский, А.Д. Чертков, В. Априлов, С.Н. Палаузов, Ришельевский лицей, болгарская возрожденческая книга.

Москва в 30–50-е годы XIX в. становится одним из центров славистических исследований в России. Здесь успешно действует Общество истории и древностей российских, на заседаниях которого постоянно присутствует славянская тематика. На страницах изданий Общества все чаще появляются исследования по истории и литературе славянских народов. В Московском университете в 1835 г. была учреждена кафедра истории и литературы славянских наречий, которую в 1842 г. занял возвратившийся из научной командировки О.М. Бодянский (1808–1877). В Москве жил Ю.И. Венелин (1802–1839), книга которого «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829) произвела огромное впечатление на болгар, пробудив во многих подлинную «любовь к национальности», что засвидетельствовал болгарский купец из Одессы В. Априлов (1789–1847), бывший ревностным эллинофилом и являвшийся в 1828–1830 гг. членом греческого училищного настоятельства в Одессе. Ослабление болгаро-греческих культурных связей в 20–40-е годы XIX в.¹ сопровождалось становлением и развитием русско-болгарских культурных отношений, и в этом процессе достойное место принадлежало Н.Н. Мурзакевичу.

Научная и общественная деятельность Николая Никифоровича Мурзакевича (1806–1883) неотделима от истории г. Одессы, превращения его в центр культурной и научной жизни активно осваиваемого Новороссийского края. С именем Мурзакевича связано создание в 1839 г. и плодотворная работа Одесского Общества истории и древностей (ООИД), редактирование фундаментальных 12 томов Записок ООИД, организация исторических му-

зеев в Одессе и Феодосии, реорганизация публичной библиотеки Одессы и основание библиотеки в Тифлисе. Мурзакевич плодотворно занимался историей России XV–XVIII вв., историей Новороссийского края и Бессарабии, археологическим изучением античных и средневековых памятников Причерноморья и обеспечением их охраны, нумизматикой, эпиграфикой, что отразилось в его работах, число которых достигает до 130 наименований. Именно эти аспекты деятельности Мурзакевича отражены в дореволюционной и современной историографии². Внимание исследователей привлекают также взаимоотношения Мурзакевича с графом М.С. Воронцовым, с митрополитом Евгением, чешскими учеными П.Й. Шафариком и В.В. Ганкой³. Но только российский исследователь Б.Н. Билунов в краткой статье в библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России» отметил важное значение научно-педагогической деятельности Мурзакевича для развития болгарского просвещения⁴. Болгарский историк Л. Минкова, изучая болгарские штудии в научном творчестве преподавателя Московского университета О.М. Бодянского, его взаимоотношения с деятелями Болгарского возрождения, не могла не обратить внимание на личность Н.Н. Мурзакевича, письма которого сохранились в архиве Бодянского. Но поскольку в центре исследования Л. Минковой стоял не одесский историк, то ею не ставилась задача рассмотреть его деятельность в контексте Болгарского возрождения⁵. Привлечение же переписки Мурзакевича с московскими коллегами – М.П. Погодиным, О.М. Бодянским, А.Д. Чертковым, как опубликованной, так и неопубликованной, позволяет обогатить биографический очерк Мурзакевича новыми данными и дополнить картину развития русско-болгарских культурных связей в первой половине XIX в.

Николай Никифорович Мурзакевич родился в 1806 г. в г. Смоленске в семье дьякона Успенского кафедрального собора. Отец его был знатоком Смоленска и его окрестностей и составил первую историю родного города. Богатая его библиотека пополнялась дарами от ректора Московского университета И.П. Тургенева и канцлера графа Н.П. Румянцева, с которым он состоял в переписке. Николай Никифорович рано научился читать. «Охота к чтению, со дня на день увеличиваясь, вытеснила механическое школьное заучивание уроков»⁶, – писал он впоследствии. Любовь отца к родной старине не могла не увлечь и Николая, который еще в детстве загорелся желанием «...отыскать сложенные старинные архивы, ...открыть древние склады оружия и монет»⁷. Позднее неутомимые поиски Мурзакевича привели к открытиям Псковской Судной грамоты (изд. 1847 и 1869 гг.), подлинных писем царевича Алексея Петровича (изд. 1849 г.), нескольких вариантов «Русской Правды» и др. В смоленской семинарии Мурзакевич проучился 7 лет и в 1825 г. поступил в Московский университет на этико-политическое отде-

ление философского факультета. По окончании университета (1828 г.) он, прослужив некоторое время домашним учителем, приехал в 1830 г. в Одессу по приглашению своего университетского товарища М.М. Кирьякова (1810–1839), отец которого долгое время возглавлял одесскую таможенно. Но служба в таможенном ведомстве, обеспечившая определенный достаток, не привлекала Мурзакевича. Душу свою он отводил в ученом кружке, который в начале июля 1831 г. посетил Ю.И. Венелин, возвращавшийся в Москву из своей известной ученой командировки по Болгарии и Молдавии (1830–1831), где собирал славянские памятники. Кирьяков, совершивший путешествие по Западной Европе и побывавший, в частности, в Галиции, Силезии, Моравии, Богемии, Венгрии, рассказывал о знакомстве с чешским ученым Й. Шафариком и с академиком, санскритологом Сталем.

В 1831 г. Мурзакевич поступил на работу в Ришельевский лицей, в котором прослужил 27 лет, начав с должности помощника учителя в младших классах и надзирателя за пансионерами или внутренними воспитанниками. В 1838 г., после защиты в Московском университете магистерской диссертации «История генуэзских поселений в Крыму», он был утвержден адъюнктом, в следующем году – профессором по кафедре российской истории и статистики. В 1852 г. Мурзакевич стал ректором лицея, но в 1857 г. вышел в отставку из-за разногласий с попечителем Одесского учебного округа Н.И. Пироговым.

Выбор Одессы местом жительства определил и направление научных изысканий Мурзакевича, который согласно решению членов ученого кружка взялся обработать древнюю историю Новороссийского края. Первая его работа была посвящена описанию античных монет собственной коллекции, что послужило причиной знакомства ее автора во время его поездки в Москву в 1835 г. с известными нумизматами – графом С.Г. Строгановым (1794–1882), попечителем Московского университета (1835–1847) и председателем Общества истории и древностей российских (1835–1848; 1857–1874), и с А.Д. Чертковым (1789–1858), с 1836 г. вице-президентом, а с 1848 по 1857 гг. президентом Общества истории и древностей российских (ОИДР). Мурзакевич встретил радушный прием у Черткова, который показал одесскому коллеге свою библиотеку и нумизматическую коллекцию, причем, коллекция русских монет Черткова оказалась ему единственной в своем роде.

Мурзакевич был приглашен на заседания ОИДР, поскольку Общество старалось объединить ученых, любителей, коллекционеров не только Москвы, но также привлечь к сотрудничеству людей, увлеченных историей, со всей России. «Этому Обществу я признателен за то, что оно после митрополита Евгения первое меня поощрило к занятиям по отечественной исто-

рии»⁸, - вспоминал с благодарностью Мурзакевич, ставший в 1836 г. действительным членом ОИДР.

В 1837 г., в очередной свой приезд в Москву, Мурзакевич познакомился с О.М. Бодянским. С.Г. Строганов предложил Мурзакевичу в спутники до Киева магистра О.М. Бодянского. В том году последний издал и защитил магистерскую диссертацию «О народной поэзии славянских племен» и был послан в заграничную командировку по «Австрии, Турции, Италии, Германии, Пруссии, а также и в Варшаву»⁹ сроком на 2 года с тем, чтобы по возвращении занять кафедру истории и литературы славянских наречий в Московском университете. Между молодыми учеными установились теплые отношения, которые впоследствии поддерживались многолетней перепиской. Бодянский сообщил Мурзакевичу план своего путешествия, который предусматривал посещение славянских земель Османской империи, и тот вызвался помочь с рекомендательными письмами к болгарам, проживавшим там.

К этому времени у Николая Никифоровича уже установились широкие контакты с представителями болгарской колонии в Одессе, начало которых, вероятно, следует видеть в одном событии в жизни Мурзакевича, одновременно характеризующем общее состояние болгаристики и степень представлений о турецких болгарях даже у людей, закончивших университет. Как известно, в 30-х годах XIX в. Одессе была уже значительная болгарская колония, но болгарские семейства предпочитали посылать своих детей на учебу в греческое коммерческое училище. И только в 1832 г. болгарские ученики впервые появились в Ришельевском лицее. В своей автобиографии Мурзакевич писал: «Болгары с 1833 г. стали обращать на себя мое внимание. Имея в 3-м классе гимназии трех братьев Мутевых, случайно спросил, какой они нации? – отвечали: болгаре. Привыкнув с Университета считать болгар потомками болгар волжских, следовательно мусульманами, обратился к лучшему из них Дмитрию: каким языком пишут у вас и читают? – Почти таким, как и русские! На другой урок они принесли мне печатные церковнославянские книжечки и этим разрушили мое понятие о их татаро-турецком происхождении и, напротив, убедили в славянском нашем единоплемстве»¹⁰.

Для Бодянского, желавшего во время своего путешествия по славянским землям посетить и Болгарию, Мурзакевич побеспокоился о получении от одесских болгар рекомендательных писем к соплеменникам, проживавшим в Османской империи. 25 апреля 1838 г. Мурзакевич писал ему: «Здесь в Одессе живут многие болгары, и между ними два просвещенные купца, покровители болгарской учености. Если поедете на их сторону, уведомьте меня, чтобы я уведомил их о том, для предварительного оповещения ими

своим единоверцам, что, конечно, будет для вас бесполезно. Болгаре крепко недоверчивы к путешественникам: это испытал Венелин»¹¹. Этими «просвещенными купцами» были Николай Палаузов и Васил Априлов. Таковыми же рекомендациями благодаря хлопотам Мурзакевича был снабжен и магистр Казанского университета В.И. Григорович (1815–1876), посетивший болгарские земли во время своей заграничной командировки 1844–1847 гг.

Одним из основных вопросов, проходивших через всю сохранившуюся переписку Мурзакевича с московскими учеными, прежде всего, с Бодянским и Чертковым, является вопрос книгообмена. В одном из своих первых писем к Бодянскому (от 18 февраля 1838 г.) Мурзакевич предлагал выслать известному чешскому ученому П.Й. Шафарику просимую им Болгарскую грамматику Неофита Рильского (1835), но он собирался это сделать после 24 февраля 1838 г., т.е. когда Одесса будет открыта после снятия карантина в связи с чумой¹². Был отправлен Шафарику и Бодянскому в бытность его в славянских землях редкий «Букварь с различными поучениями» («Рыбный букварь») П. Берона, изданный в Брашове (Румыния) в 1824 г. В письме от 25 апреля 1838 г. Мурзакевич сообщал, что он составит и перешлет Бодянскому список «всех доселе напечатанных болгарских книг. Они большей частью буквари, грамматики и богослужебные»¹³.

Мурзакевич не был славистом, но он прекрасно понимал огромное значение для болгарского народа этих книжечек – учебников (буквари, грамматики), педагогических и богослужебных книг, большей частью переводных брошюр. Российский ученый Г.К. Венедиктов подчеркивает, что возрожденческая болгарская книга – это «особый историко-культурный феномен», поскольку «книга, прежде всего печатная, не просто была носителем, выразителем и распространителем определенного содержания (информации) или средством воспитания, а стала мощным осознанным орудием (инструментом) борьбы за освобождение народа от иноземного духовного и социального, а затем и политического гнета, за создание национальной школы, развитие на родном языке просвещения, литературы, периодической печати и других атрибутов самобытности и самостоятельности возрождающейся нации»¹⁴.

Важно отметить, что подобные мысли прозвучали в статье Мурзакевича «Нынешнее состояние просвещения у болгар», которая была помещена в «Журнале министерства народного просвещения» в 1838 г. В ней он писал о вытеснении славянского языка греками при запрещении турецкого правительства заводить высшие училища, что должно было бы привести «к падению» болгарского языка, если бы не усилия некоторых светских лиц и представителей духовенства по организации болгарских школ и переводу на

болгарский язык и публикации учебников. Мурзакевич подчеркивал, что в ученом отношении эти издания не имеют значения, но для просвещения болгар они чрезвычайно важны. Одесский историк, как свидетельствуют его письма и статья, всегда был неплохо осведомлен о намерениях болгарских авторов. В данном случае он сообщал читателям о подготовке к печати «Нового Завета» в переводе на новоболгарский язык иеромонаха Неофита, Болгарской грамматики А. Кипиловского и других книг. Мурзакевич призвал соотечественников к содействию в распространении образования и просвещения в болгарском народе. К статье был приложен каталог изданных болгарских книг¹⁵.

В Москве профессиональный интерес к болгарским книгам проявлял А.Д. Чертков. Он задумал создать библиотеку, «посвященную познанию России и славянства в историческом, археологическом, литературном и других ученых отношениях». Мурзакевич, всецело разделяя идею Чертковой библиотеки, взял на себя труд доставлять в Москву издания на болгарском языке. Если в каталоге Чертковой библиотеки, изданном в 1838 г., не было ни одного названия на новоболгарском языке, то во «Втором прибавлении» (1845 г.) указано уже 6 изданий: «Новый завет», в переводе с греческого Петра Сапунова (Бухарест, 1828); «Новый завет», переведенный Неофитом Рыльским (Смирна, 1840); «Краткая священная история и краткий катехизис», переведенные с русского языка студентом Одесского лицея Н. Геровым (Одесса, 1843), и др. В каталоге они преимущественно вошли в раздел «редких сочинений [в России – М.Ф.]»¹⁶.

Однако поиски и доставка болгарских книг были делом весьма нелегким. Так, о Евангелии в переводе Неофита Рыльского Николай Никифорович, выполняя просьбу Шафарика, хлопотал целых 2 года. Вероятно, в Одессу все же было привезено несколько экземпляров, потому что Мурзакевич в письме к Бодянскому от 19 октября 1842 г. предложил достать этот перевод и для него. 26 октября 1842 г. Мурзакевич писал Черткову: «У меня имеется «Новый завет» болгарский, изданный в 1840 г. в Смирне. Константинопольский патриарх его не возлюбил и строго запретил употреблять в своей пастве. От этого же книга и редкая. В следующий раз буду иметь удовольствие препроводить один экземпляр для Вашего употребления»¹⁷. 15 февраля 1843 г. Мурзакевич сообщил Бодянскому, который пожелал иметь эту книгу, что со следующей почтой ему будет отправлен «Новый Завет». «Он и в Одессе более чем редок»¹⁸, – отметил он. Болгарский исследователь З. Маркова высказала мнение, что запрет, наложенный Константинопольским патриархом на обладание и употребление «Нового Завета» в переводе Неофита Рыльского, являлся следствием борьбы церкви с влиянием протестантизма¹⁹. Как известно, в Смирне (Измире) обосновалось Британское биб-

лейское общество, и в 1819 г. в Стамбуле была создана цензура Константинопольской патриархии для предохранения богословской литературы от проникновения идей протестантизма. В 1840 г. Британское библейское общество снабдило греческую типографию в Смирне славянским шрифтом для того, чтобы был напечатан на болгарском языке «Новый Завет». В 1844–1846 гг. К. Фотинов (1790–1858), учитель и автор учебников (например, «Общо землеописание». 1843.), издавал в этой типографии журнал «Любословие» (1844–1846), который, как известно, открыл эру болгарской журналистики.

Если «Новый Завет» Неофита Рыльского не вызвал никаких замечаний со стороны Мурзакевича, то содержание журнала «Любословие» возмутило одесского историка. В письме к Черткову от 21 июля 1844 г. он сетовал на то, что в Смирне издается «под влиянием англичан каким-то безграмотным Фотиновым журнал. Пускай Бодянский полюбуется возрождающеюся грамотностью безграмотных», - восклицал ученый. «Этим же Фотиновым издавна преглупая “География” по-болгарски. В ней говорится о Пруссии, Англии и проч. И наравне с турками, персианами о русских. Каково!»²⁰. В 1838 г. Николай Никифорович, сообщая об успехах болгарского просвещения, подчеркивал, что они совершаются под русским влиянием²¹. Но в 1844 г. Мурзакевич сожалел о чрезмерной осторожности в отношении с болгарями: «и чрез нее утратим всякое влияние на преданную нам единоверную массу, а англичане потихоньку и влекут к себе». «Стараюсь экземпляры “Географии” приобрести для Вас и Бодянского»²², - заканчивал свое письмо Мурзакевич.

В 1845 г. Мурзакевич отправил в Москву Черткову и Бодянскому «препорядочную карту» Болгарии, изданную в Страсбурге «одним болгаринном» в 1843 г. Однако первая посылка с этой картой в Одессу «с кораблем погибла в декабре у устья Дунайского». Мурзакевич писал 12 февраля 1845 г. Черткову: «Жду другой уже сухопутной присылки и тот час представлю эту прелюбопытную новость»²³.

Следует сказать, что еще в 1838 г. к Мурзакевичу обратился Шафарик с просьбой уточнить у одесских болгар правильность названий болгарских населенных пунктов в составляемой им карте к труду «Славянское народописание»²⁴. Мурзакевич передал этот список «для надлежащего исполнения» болгарам из Одессы. Кроме того, список был послан «в самую Болгарию, и там, на месте, означатся не только имена селений, но если будет возможно, то и число жителей в тех селах, и расстояние одно от другого». Впрочем, Мурзакевич по совету одесских болгар рекомендовал Шафарику не торопиться с изданием карты, а подождать результатов организованной им и одесскими болгарями статистической и топографической работы. В

своем письме к Бодянскому от 24 июля 1838 г., уверяя его в ответственном отношении болгар к этому поручению, он добавлял: «Люди добрые и честные, можно положиться»²⁵. О неусыпном внимании Мурзакевича к сбору подобных данных сообщает его письмо к Черткову от 24 апреля 1844 г., в котором одесский историк писал об ожидании в конце мая из Болгарии новостей, которые должен был привезти один из его слушателей, проживший в Болгарии целый год и получивший поручение от Мурзакевича собрать «топографические, этнографические, палеографические сведения и материалы»²⁶. Мурзакевич побуждал своих учеников и к поиску в Болгарии раритетных книг и рукописей. 21 августа 1844 г. он писал Черткову: «Жду из Болгарии своего ученика... Он везет с собой несколько рукописных и печатных, вероятно, церковных книг. О любопытном извещу»²⁷.

В свою очередь, Мурзакевич тогда же, в 1838 г., собрал данные о болгаргах, живших в Новороссийском крае, которые он выслал Шафарику. Однако, исполняя пожелание Шафарика, он поспешил в составлении этого списка. Спустя несколько лет, в письме от 15 февраля 1843 г., он сообщал Бодянскому, что отправил ему «новый и исправленный список болгарских селений, которые имеются в Новороссии. Эти селения исключительно обитаются болгарами»²⁸.

Мурзакевич был страстным библиофилом, но из-за ограниченности денежных средств не мог позволить себе личное книжное собрание. Он избрал иной путь, когда в 1843 г. принял очень лестное предложение новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова (1782–1856), оценившего подвижническую деятельность историка в Одесском обществе истории и древностей, – занять место библиотекаря в городской библиотеке с высоким окладом, квартирой и с сохранением места в лицее. «Не имея способов составить собственную библиотеку сообразно желаниям, хочу улучшить городскую, и потому детски радуюсь всякому ее приращению»²⁹, – делился он с Чертковым. Свои болгарские книги он передал в Одесскую городскую библиотеку, которую принял весьма в плачевном состоянии. В 1843 г. Мурзакевич писал Бодянскому о любимом своем детище, что библиотека «уже красуется 18 названиями разных болгарских книг», среди которых была очень редкая книга – «Кириакодромион, сиреч Недельник», изданная в 1806 г. Софронием Врачанским. Об этой книге Мурзакевич сообщал и Черткову³⁰. «Хочу при библиотеке составить отделение чисто славянское: в него войдут все попадающиеся мне в руки книги болгарские, сербские, чешские и всякие другие. Да будет одесская книжница рассадницею славянства»³¹. С просьбой о присылке дубликатов славянских книг он обратился к Черткову, Бодянскому, Погодину и другим москвичам. 13 декабря 1843 г. Мурзакевич писал Черткову: «Буду просить о вспомоществовании Шафарика и Ганку.

По этому плану я бы желал хоть для образца иметь хоть один из Ваших дубликатов глаголитских. Впрочем, если угодно будет прислать «Меч духовный»³², *Moscouiter wunderbare Historien, Basel 1567*³³, Добровского *Lehrgebände*³⁴ и некоторые другие, буде Вам угодно, то я обязуюсь доставить взамен болгарские книги, которые повременно являются на свет. В Москве они редкость, а для меня приобретение их дело нетрудное»³⁵. Таким образом, новоболгарская литература благодаря Мурзакевичу приобрела «статус» особой ценности и значимости в библиографическом мире, который позволял ему получать для Одесской библиотеки дубликаты редких книг из московских книжных собраний. Заботами Мурзакевича книжное собрание Одесской библиотеки за первые 5 лет его заведования удвоилось. Улучшение работы библиотеки немедленно отразилось на количестве посетителей – с 400 человек в 1843 г. до 2659 человек в 1848 г.³⁶, что свидетельствовало об эффективности усилий нового библиотекаря по превращению ее в подлинный центр просвещения.

Мурзакевич, как уже упоминалось, был знаком со многими болгарскими проживавшими в Одессе. А в июне 1838 г. именно ему, ехавшему в Москву, В. Априлов поручил передать Ю.И. Венелину список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского, который специально сделали со списка, присланного из Дряново³⁷. Этот список (Венелинский) ныне хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде историка. Значение «Истории славяноболгарской» (1762) для духовного пробуждения болгарского народа непреходяще, ее автор первым сформулировал программу задач, стоявших перед складывавшейся болгарской нацией: распространение образования и просвещения среди болгар через национальные школы и литературу. Личности Паисия Хилендарского и его творению, высоко почитаемым в Болгарии, посвящен огромный массив исследовательской литературы. И тем не менее многие стороны «дела Паисия» остаются не до конца проясненными³⁸, например, вопрос о списках «Истории славяноболгарской».

Благодаря сведениям Г.С. Раковского (1821–1867), который в 1858–1859 гг. находился в Одессе и немало времени провел в ее публичной библиотеке, стало известно, что именно у Мурзакевича после смерти В. Априлова остался Жеравненский список «Истории славяноболгарской», который был найден в Жеравне, у некоего Димитра, бывшего там учителем, в 1838 г. Анастасом Дукияди, выполнявшим поручение Априлова по поиску «драгоценных рукописей»³⁹. Этот список был написан на лощеной турецкой бумаге in 4°. Мурзакевич взял у Априлова этот список, чтобы сделать с него копию для Черткова, о чем сообщил последнему в письме от 21 июля 1844 г.: «Думаю, что эта копия будет иметь у Вас какой-либо интерес. Не мешает,

если ее просмотрит О.М. Бодянский»⁴⁰.

Мурзакевич невысоко оценил «Историю славяноболгарскую», отмечая, что она «неважная в ученом отношении». Подобного мнения о труде Паисия Хилендарского держался и сам обладатель рукописи В. Априлов. Чертков, оценив патриотический пафос этого произведения, решил опубликовать «Историю» как первую работу по истории Болгарии, написанную болгарин⁴¹. Но он не успел. Чертковский (Московский) список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского сейчас хранится в Чертковском собрании в Отделе рукописей Государственного исторического музея⁴².

В 1858 г. Мурзакевич также попытался издать Жеравненский список и сам снял с него новую копию слово в слово, букву в букву. И его мотивация такой публикации была сходна с Чертковской: «для водворения в болгарях нынешних старой их грамотности». Не располагая необходимыми средствами, 17 апреля 1858 г. он обратился к О.М. Бодянскому, секретарю ОИДР и редактору «Чтений»: «В руках моих давно имеется летопись болгарская, писанная на турецкой лошеной бумаге in 4° чистым церковным почерком... По настоящем времени весьма полезно бы ее напечатать». Мурзакевич предложил напечатать ее сначала в «Чтениях», журнале ОИДР, а затем сделать до 600 экземпляров особых оттисков. «Много обяжете меня и болгар, если уладите это дело. За особые оттиски и бумагу я готов заплатить. Когда дело это можно по желанию устроить, список я немедленно вам перешлю»⁴³.

Одесский ученый хотел издать и доставленное ему болгарями с Афонской горы харатейное болгарское Евангелие XI или XII в., Апостола, привезенного из Зографского монастыря. Мурзакевич продумывал варианты публикаций рукописей или в Праге, во избежание «прицепок и медлений цензурных», или в Москве. Он просил Бодянского, владевшего старым шрифтом, принять участие в этом деле. Затем, «когда цензура не помудрит над Евангелием», тогда Мурзакевич планировал напечатать Апостол из Зографского монастыря⁴⁴. Но эти планы остались нереализованными. В настоящее время местонахождение Жеравненского списка «Истории славяноболгарской», а также копии, снятой с него Мурзакевичем, не известно.

Мурзакевич, чье подвижничество на ниве просвещения в Одессе, городе эмигрантов и купцов, равнодушных в то время к искусству и науке, заслуживает восхищения, стремился поднять на должный уровень преподавание в Ришельевском лицее. 14 августа 1842 г. он писал Черткову: «В Одессе придумал ученую роскошь – читал в лицее отдельно русские древности – когда всюду читают греческие и римские, почему ж в России не хотят знать свою, пора, давно пора изучать собственное, родное. Молодая Одесса очень бедна учеными пособиями, и преимущественно для русской

истории»⁴⁵. В курс по русской истории Мурзакевич включил сведения из средневековой истории Болгарии.

Мурзакевич внимательно следил за разработками истории Болгарии. Узнав о решении Общества истории и древностей российских опубликовать Московский список болгарского перевода (XIV в.) летописи Константина Манассии (XII в.), за что взялся было Бодянский, Мурзакевич немедленно поддержал это начинание. 20 июня 1841 г. он просил Черткова изложить содержание летописи – «Нет ли в ней чего нового для истории болгар? В Одессе много живет болгар, истинных любителей своей отчизны, и потому содержание труда Манассиина было бы для них небезынтересно»⁴⁶. С вышедшей в 1842 г. книгой Черткова «О переводе Манассииной летописи на словенский язык, с очерком истории болгар» Мурзакевич сначала познакомил одесских болгар. «Хватают наперерыв»⁴⁷, – писал он Бодянскому. Чертков щедро одарил своей книгой Одессу: Мурзакевич сообщал, что все гимназические библиотеки Одесского округа ее получили. «Болгары с восторгом приняли труд Ваш. Пошлю в Бессарабию: там живет более 60000 болгар, пускай там читают историю своего народа»⁴⁸.

О книге Черткова – «Описание похода великого князя Святослава Игоревича на болгар и греков в 967–971 годах» (1843) – Мурзакевич писал следующее: «Важным трудом Вашим Вы наполняете значительный промежуток в нашей древней истории; я с большою пользою для себя и моих слушателей воспользуюсь результатами ученых Ваших исследований... 3 экземпляра книги я раздал, а 3 послал в самую Болгарию. Если милость Ваша будет, то присылка еще 10 или 12 экземпляров была бы кстати. Постоянные и скорые пароходные сообщения и эти экземпляры отвезли бы в разные болгарские училища»⁴⁹. Сообщая Черткову об отзыве болгар на его книги, Мурзакевич присовокуплял, что после Венелина они признают Черткова «двигателем своего просвещения и национальности»⁵⁰.

Мурзакевич, будучи в курсе научных исследований в области болгарской истории и стремясь содействовать их разработке, тем не менее себя не считал специалистом в этом вопросе. Примечательно его признание в одном из писем к Бодянскому, в котором он просил московского коллегу регулярно помещать рецензии на присылаемые им из Одессы болгарские книги, «за исключением “Нового Завета”, о коем не следует разглаговльствовать, в “Москвитяине”. Да будет этот журнал единственным вещателем славянизма! Самому и недосужно, да и мало знаю по этой части. Ученому же и книги в руки»⁵¹.

Большой вклад в развитие болгарского просвещения внес Николай Никифорович на педагогическом поприще. Среди учеников Мурзакевича мы видим имена многих деятелей болгарского Возрождения, оставивших в

истории своего народа яркий след. Это Спиридон Палаузов, Найден Геров, Добри Чинтулов, Иван Богоров и другие. Познав, особенно в студенческие годы, нужду и лишения при страстном желании учиться, Мурзакевич прилагал все усилия, чтобы помочь одаренным юношам получить образование. Так, узнав о свободной вакансии в Московском университете после смерти казенного студента болгарина Георгия Бусилина из Батака (приблизительно 1820–1845), Мурзакевич поспешил порекомендовать учившегося в одесской гимназии Ивана Василева Шопова (вероятно 1820–1853), уроженца Калофера. «Это было бы доброе дело!», - заканчивал Мурзакевич свое письмо к Бодянскому от 6 апреля 1845 г.⁵². Благодаря письмам Мурзакевича сохранилась информация о Шопове. Он учился сначала в афинской гимназии, в 1844 г. поступил в VI класс одесской, а также изучал частным образом русский язык, математику и латынь. Шопов приехал в Москву осенью 1845 г., но сложности с выделением казенной стипендии не позволили ему закончить Московский университет. Отправившись в Прагу, он выбрал медицинский факультет.

Учился у Мурзакевича и С.Н. Палаузов, которому именно Николай Никифорович, как полагает Л. Минкова, посоветовал отправиться в Москву, чтобы там под руководством Бодянского подготовиться к научной работе⁵³.

Мурзакевич старался не терять со своими бывшими питомцами связи, не раз интересовался у Бодянского о судьбе и занятиях своих учеников. Так, в письме от 6 апреля 1845 г. он спрашивал Бодянского о Палаузове: «Что он подделывает и что рассказывает?»⁵⁴. Палаузов занимался славистикой и выдержал экзамен на степень кандидата философских наук при историко-филологическом отделении Московского университета в 1845 г. Он искал место в Азиатском департаменте, а А.Д. Чертков «был так добр», что дал ему «по этому случаю рекомендательное письмо к Льву Григорьевичу Сеньяину»⁵⁵, сослуживцу Черткова по лейб-гвардии Конному полку, с которым он прошел заграничные походы 1813–1814 гг. В 1862 г. Палаузов был избран в действительные члены Одесского Общества истории и древностей. Мурзакевичу выпала и печальная миссия – написать в 1875 г. некролог своего бывшего ученика Палаузова, в котором прослежена его судьба на фоне развития национального самосознания у одесских болгар.

Заботам Бодянского, Черткова и Погодина Мурзакевич поручил Хаджи Захария Княжеского, который кончил курс в одесской духовной семинарии, принял русское подданство и направлялся в Москву, чтобы в Синодальной типографии выучиться набору книг и по возвращении на родину «там водворить это полезное дело». Мурзакевич охарактеризовал Княжеского как доброго человека, поведения честного, ревнителя славянства. «Гра-

мотность этого человека в Болгарии известна по маленьким брошюрам, изданным английским обществом миссионеров». Княжеский, по уверению одесского историка, мог сообщить москвичам «об успехах болгарской книжности и о болгарщине» более основательно, чем те, которые уже нечто им пересказывали⁵⁶.

Княжеский также «хотел выпросить для предполагаемых им училищ несколько полных собраний всех учебных книг, употребляемых в наших гимназиях», с чем и приехал в Петербург. Список книг ему помог составить Ю.Ф. Самарин (1819–1876), служивший тогда в министерстве юстиции. Но Княжеский не имел возможности видаться с министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, поэтому попросил А.Д. Черткова, также оказавшегося по делам в Петербурге, «взять на себя доставление списка кому следует и приложить свои старания и ходатайства»⁵⁷. Чертков 17 января 1846 г. обратился с письмом к Уварову, зная, что тот был в дружеских отношениях с графом Н.А. Протасовым, обер-прокурором Св. Синода, и передал ему просьбы болгар о присылке для продажи русских церковных книг в Константинополь, в русское консульство. Чертков напомнил Уварову о том, что в бытность в Москве в гостях у Черткова хозяин имел честь показать ему издававшийся в Смирне журнал для болгар «Любословие», который печатался «на средства англичан, старавшихся посредством его действовать на мирных, но еще малопросвещенных болгар» с целью усилить свое воздействие в этом регионе. Чертков разделял беспокойство Мурзакевича, о котором было сказано выше, по поводу культурной экспансии англичан на фоне бездействия России. Чертков писал Уварову: «Иностранцы, иноверцы англичане или североамериканцы, лютеране, методисты, кальвинисты, пропагандисты и проч. и проч. издерживают деньги, заводят типографии, печатают книги на нашем церковном языке, издают журналы, и все это для привлечения на их сторону единоверных нам словен, а мы даже не ссужаем их готовыми православными книгами, за которые они еще предлагают платить ту сумму, которую назначат». Чертков заканчивал свое письмо рекомендацией З. Княжеского, в покровительстве которому со стороны Уварова Чертков не сомневался⁵⁸. Министр народного просвещения сообщил о содержании письма «по принадлежности» обер-прокурору Св. Синода, о чем уведомил Черткова 26 января 1846 г.⁵⁹. В министерство народного просвещения и Св. Синод за помощью в снабжении учебниками и книгами болгарских школ обращались и другие болгары: Н. Геров, А. Экзарх, Н. Стоянович. С 1846 по 1852 гг. из России было отправлено в Болгарию около 2000 книг⁶⁰.

С рекомендательными письмами Мурзакевича к москвичам ехал через Москву в Петербург архимандрит Рильского монастыря С. Ковачевич, который с разрешения Синода собирался хлопотать об «испрошении пособий на

счет учреждения типографии церковной в Рильском монастыре»⁶¹. Знакомство с ним, по мысли Мурзакевича, было бы не бесплодно и для науки.

Поездки в Москву и знакомство с учеными, занимавшимися исследованиями в области славяноведения, а также установление прочных контактов с одесской болгарской колонией придали новый аспект научной, педагогической и общественной деятельности Мурзакевича, ставшего подвижником на ниве болгарского просвещения. О развитии просвещения у славян Мурзакевич думал даже перед смертью, включив в проект своего завещания пункт о передаче части своих ценных бумаг в правление Московского университета для учреждения именных стипендий по 300 рублей для студентов-христиан⁶².

Обучая болгарское юношество в стенах Ришельевского лицея, талантливый педагог возбуждал в своих учениках стремление изучать прошлое и настоящее своего народа, служить своему отечеству. К поиску изданий на болгарском языке он привлек широкий круг болгарской эмиграции, которая также озаботилась сбором статистических, этнографических сведений о своем народе. Будучи в курсе болгарских новостей, Мурзакевич с тревогой указывал на усиливавшуюся тенденцию в процессе развития болгарского просвещения, связанную с ростом влияния Великобритании при одновременном умалении русского воздействия.

Практическое содействие Мурзакевича в снабжении московских ученых, таких как Чертков, Бодянский, Погодин, а также чешского историка Шафарика изданиями, вышедшими из-под пера болгарских авторов, действительно неосценимо. Каждая болгарская книга, посланная Мурзакевичем в Москву, является своеобразным удостоверением культурных контактов болгарской общины Одессы и московскими учеными. Важно подчеркнуть, что болгарская книга не затерялась в личных библиотеках Белокаменной столицы. Бодянский, преподаватель Московского университета, обращался к ней во время своей педагогической деятельности. Чертковская библиотека, которая всегда была доступна для ученого сообщества Москвы, стала после смерти А.Д. Черткова согласно его завещанию первой бесплатной публичной библиотекой Москвы. Немалая заслуга принадлежит Мурзакевичу в том, что Москва с ее библиотеками, «после Софии, Пловдива и, вероятно, некоторых других университетских центров Болгарии», обладает в настоящее время самой богатой коллекцией возрожденческой книги⁶³.

Примечания

- ¹ Злыднев В.И. Болгарская культура // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988. С. 265.
- ² Мурзакевич Н.Н. (некролог) // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1883. № 12. С. 81-89; *Брун Ф.* 30-летие Одесского Общества истории и древностей, его Записки и археологические собрания. Одесса, 1869; *Марков А.К.* Императорское Одесское Общество истории и древностей. Обзор его деятельности за 1839-1888 гг. Одесса, 1888; *Дабига В.Д.* Н.Н. Мурзакевич (1806-1883). СПб., 1886; *Юргевич В.* Черновой проект завещания, найденный в бумагах бывшего вице-президента Общества Н.Н. Мурзакевича // Записки Одесского Общества истории и древностей (далее – ЗООИД). Т. 15. 1889. С. 844-846.
- ³ *Левина Р.Ш.* Митрополит Евгений и Н.Н. Мурзакевич // Археологические вести. 1999. № 6. С. 479-488; *Чертняков И.Т.* 150 лет Одесскому Обществу истории и древностей. 1839-1989. Одесса, 1989.
- ⁴ *Билунов Б.Н.* Мурзакевич Н.Н. // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 244-245.
- ⁵ *Минкова Л.* Осип Максимович Бодянски и Българското възраждане. София, 1978.
- ⁶ *Мурзакевич Н.Н.* Автобиография. СПб., 1889. С. 33.
- ⁷ Там же. С. 35.
- ⁸ Там же. С. 217.
- ⁹ *Лантева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. С. 44.
- ¹⁰ *Мурзакевич Н.Н.* Автобиография. С. 126.
- ¹¹ Материалы для истории императорского Общества истории и древностей российских. Переписка гг. действительных членов Общества. Письма Н.Н. Мурзакевича к О.М. Бодянскому (1838-1866 гг.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. 1887. С. 189.
- ¹² Там же. С. 187.
- ¹³ Там же. С. 189.
- ¹⁴ *Венедиктов Г.К.* Первые болгарские возрожденческие книги в Москве // Болгария и Россия (XVIII-XX вв.): взаимопознание. М., 2010. С. 202.
- ¹⁵ *Мурзакевич Н.Н.* Нынешнее состояние просвещения у болгар // ЖМНП. 1838. Ч. 18. № 4. С. 123.
- ¹⁶ *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России. М., 1845. С. 117-119, 381-382.
- ¹⁷ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 305. Л. 220.
- ¹⁸ Материалы для истории... С. 192, 193.
- ¹⁹ *Маркова З.* Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976. С. 60.
- ²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 267.
- ²¹ *Мурзакевич Н.Н.* Нынешнее состояние... С. 123.
- ²² ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 267.

- ²³ Там же. Л. 278 об.
- ²⁴ *Шафарик П.Й.* Славянское народописание. М., 1843.
- ²⁵ Материалы для истории... С. 190-191.
- ²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 264 об..
- ²⁷ Там же. Л. 270 об.
- ²⁸ Материалы для истории... С. 192, 193.
- ²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 9 об. 18 января 1846 г. Одесса.
- ³⁰ Там же. Д. 305. Л. 250 об. 12 июля 1843 г.
- ³¹ Материалы для истории... С. 195.
- ³² *Баранович Лазарь.* Меч духовный... или книга проповедей слова божьего... Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1666.
- ³³ *Herberstein S.* Moscouiter wunderbare Historien. Basel, 1567. (*Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии).
- ³⁴ *Dobrovsky Joseph.* Ausführliche Lehrgebäude der Bohmischen Sprache, zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenern Kenntniss für Böhmen. Prag., 1809.
- ³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 256 и об.
- ³⁶ Одесская городская публичная библиотека // Новороссийский календарь на 1849 г. Одесса, 1848. С. 408.
- ³⁷ *Ангелов Б.* Паисий Хилендарски. София, 1985. С. 110.
- ³⁸ *Динеков П.* Паисий Хилендарски // Паисий Хилендарски. Славяно-българска история. Под ред. П. Динеков. София, 1963. С. 7.
- ³⁹ *Раковский Г.С.* Няколко речи о Асеню Първому, великому царю българскому, и сину му Асеню Второму. Белград, 1860. С. 118. Прим. 35.
- ⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 266.
- ⁴¹ *Мурзакевич Н.Н.* А.Д. Чертков (некролог) // ЗООИД. 1860. Т. 4. С. 422.
- ⁴² *Шульгина Э.В., Черниловская М.М.* Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск, 1986. С. 74-75.
- ⁴³ Материалы для истории... С. 210-211.
- ⁴⁴ Там же. С. 211.
- ⁴⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 302 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 200.
- ⁴⁷ Материалы для истории... С. 194.
- ⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 242.
- ⁴⁹ Там же. Л. 264. 24 апреля 1844 г. Одесса.
- ⁵⁰ Там же. Л. 267.
- ⁵¹ Материалы для истории... С. 193.
- ⁵² Там же. С. 197, 200.
- ⁵³ *Минкова Л.* Осип Максимович Бодянски... С. 112.
- ⁵⁴ Материалы для истории... С. 197.

- ⁵⁵ *Палаузов С.* Избрани трудове. Т. 2. София, 1977. С. 752. 4 марта 1846 г.
- ⁵⁶ Материалы для истории... С. 199; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 10.
- ⁵⁷ Два письма Ю.Ф. Самарина к С.П. Шевыреву. 1846 г. СПб. // Русский архив. 1907. Кн. III. С. 430.
- ⁵⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 296. Л. 52, 53.
- ⁵⁹ Там же. Д. 295. Л. 17.
- ⁶⁰ История на България. Т. 5. София, 1985. С. 299.
- ⁶¹ Материалы для истории... С. 205.
- ⁶² *Юргевич В.* Черновой проект завещания... С. 846.
- ⁶³ *Венедиктов Г.К.* Указ. соч. С. 213.